

СЛОВО О БОЛЬШОМ УЧЁНОМ И БОЛЬШОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Есть такие люди, при знакомстве с которыми вдруг ощущаешь, что с ними знаком уже давно, хотя ни времени, ни места знакомства, как не бьёшься, припомнить не можешь. К числу таких людей относится и Александр Александрович Гугнин, профессор, доктор филологических наук и прочая, прочая. Перечислять все его титулы и звания я не буду, потому как не они характеризуют его человеческую и научную сущность, а его безмерная доброта, открытость и некое благорасположение к людям, в особенности к тем, кто питает страсть к науке.

Древнеримский поэт Катулл долго бился над тем, чтобы найти наиболее точное определение любви, ибо слово *amor* не обозначает высокого чувства, а лишь констатирует наличие плотского влечения. В итоге ему удалось найти слово *benevolencia*, что означает благорасположенность. Правда, последующие поколения не поняли высокого полёта чувств римского поэта и продолжали отдавать предпочтение старому слову, но мне кажется, что именно благорасположенность отвечает тому состоянию души, когда человек всем сердцем обращён к предмету своей страсти и к людям вообще, и отдаёт им всего себя без остатка. По этой причине и вьются вокруг Александра Александровича студенты и аспиранты, ищут дружбы с ним коллеги по цеху. Все они видят в нём не просто маститого учёного (слово совершенно неприемлемое во всех отношениях к Александру Александровичу, но употреблено здесь для порядка), а друга, учителя (без указующего пальца!), готового всегда придти на помощь, передать свои знания, направить на жизненный путь, и просто человека, ходящего по земле и мыслящего земными категориями.

Александр Александрович Гугнин родился 3 мая 1941 года, за месяц с небольшим до начала Великой Отечественной войны, и все последующие события в его жизни прямо или косвенно связаны с этой трагической и героической страницей истории. Все трудности послевоенного времени научили А.А. Гугнина воспринимать жизнь в её реальной открытости, сочетая работу бетонщика и арматурщика на ударной комсомольской стройке, совхозного рабочего, службу в армии с непреодолимым влечением к науке, что и привело его в конечном итоге в Московский государственный университет. После окончания МГУ А.А. Гугнин прошёл редакторскую школу в журнале «Иностранная литература», в издательствах «Прогресс», «Радуга»¹. Дальнейшая научная деятельность А.А. Гугнина связана с Институтом славяноведения РАН, где он с 1993 по 2007 годы возглавлял Научный центр славяно-германских исследований², совмещая с преподавательской деятельностью в ряде московских вузов³. Этот период в жизни А.А. Гугнина отмечен обилием всевозможных публикаций различного свойства, поездками на международные конференции, участием в ряде научных проектов.

Казалось, в этой круговерти событий, важных и нужных для становления учёного, прежнему восприятию жизни не могло остаться места. Но вот что удивительно, в этом земном человеке, обременённом огромными знаниями, совершенно естественным образом уживается неугомонный фантазёр, мечтатель, всегда готовый изумляться всем проявлениям жизни, влюблённый в природу до самозабвения. И это находит своё выражение не только в его научных трудах (свыше 600 наименований!), но и в поэзии. Конечно, здесь сыграла свою роль фанатичная приверженность Александра Александровича к творчеству В.А. Жуковского, к его переводам немецких и английских баллад, нашедшая своё выражение в двухтомном издании «Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского» (1985) и значительно расширенным

¹ Эта работа позволила ему лично познакомиться со многими немецкоязычными писателями, литературоведами и литературными критиками, брать у них интервью, составлять, редактировать и издавать их книги. С некоторыми из них его в дальнейшем связывало близкое знакомство (Ф. Фюман, К. Вольф, Й. Новотный, Г. Кант и др.) и даже дружба (Х. Мюллер, Ф. Браун и др.).

² А.А. Гугнин был непосредственным инициатором и редактором около 40 изданий этого центра, в т.ч. 3-х томов «Славяно-германских исследований» (2000–2008) и монографий своих соратников и учеников. Кроме того он был в течение 10 лет координатором РАН в рамках сотрудничества в Международном центре, созданном по инициативе Тюбингенского университета в 1990 году и ставившего своей целью развитие научного диалога между западноевропейскими (в работу Центра были вовлечены также 7 университетов США) и восточноевропейскими учеными.

³ Следует упомянуть хотя бы работу в МГОПУ (Московский государственный открытый педагогический университет, ныне МГГУ – Московский государственный гуманитарный университет), где он заведовал кафедрой зарубежной литературы в 1994–2001 гг. и где сумел не только открыть аспирантуру, но и – после успешных защит докторских диссертаций преподавателями кафедры – создать условия для открытия специализированного совета для защит диссертаций по литературам народов стран зарубежья. 8 московских аспирантов А.А. Гугнина стали кандидатами наук.

затем издании «Немецкая поэзия в переводах В.А. Жуковского»⁴ (2000). Однако основной творческий посыл ему дала невзрачная, тихая красота новгородской природы, очарованию которой Александр Александрович поддавался ещё в детские годы, и по-своему родственная ей скромная красота белорусской природы. В одном из интервью А.А. Гугнин вспоминает: «Однажды утром, выйдя на покрытое прохладной росой крыльцо деревянного дома, я увидел не просто обычный лес, начинавшийся сразу за огородом, не просто лохматую дворнягу Жучку, приветливо вилявшую мне хвостом, услышал не просто переключку нескольких хуторских петухов, заглушавших гортанным оптимизмом ласковое щебетанье скворцов и синиц, вдохнул не просто чистый деревенский воздух – но как будто всё, что я видел, слышал, обонял, осязал и чувствовал, слилось во мне в единый образ, который целиком заполнил меня и которому я остаюсь верен до сегодняшнего дня. Сейчас, приближаясь к семидесяти годам, я не нахожу в своей жизни другого *события*, которое бы до такой степени определило всё моё последующее *бытие*». Посыл этот был настолько мощный, что и по сей день рука А.А. Гугнина тянется к перу и строки сами собой ложатся на бумагу.

Манера письма А.А. Гугнина неброская, он редко прибегает к словесным играм, хотя и отдаёт должное их значимости в поэзии других авторов (например, Эрнста Яндля, великого экспериментатора поэзии XX века, или своего ученика Саши Никифорова).

Не меньший посыл получил А.А. Гугнин и от знакомства с мировой поэзией. Будучи блестящим знатоком мировой литературы, а немецкой и австрийской – в особенности, он воспитывал свой поэтический талант в неустанных переводах немецких и австрийских поэтов, что не могло не сказаться на стилистике его поэтического мышления, да и на мастерстве. Эта школа мастерства позволяет А.А. Гугнину и в собственных стихах проявлять разборчивость, лексическую осторожность, и одновременно обрести профессиональную крепость и выработать свой собственный стиль.

Поэзии А.А. Гугнина свойственна философская глубина, но без философской зауми, и юношеское восприятие радостей жизни. Это особенно ощущается в стихах последних лет, отмеченных склонностью к ландшафтной лирике, как это понимали немецкие натурфилософы, но без их мистических интенций и горьких lamentаций по поводу жестокой действительности. В стихотворении «Думающему о вечности» эта мысль выражена особенно ярко:

Открой окно, вдохни прохладный воздух,
Оставь тоску, не думай о себе!
Накинь пальто – иди, пока не поздно
На улицу – там снег, осенний первый снег.

Иди, топчи тропу, пока он не растаял:
Ты будешь ближе к вечности, поверь,
Она ведь тоже женщина, живая,
И нужен ей не внук – человек.

Однако не только вечность, но и повседневная жизнь, лишённая прелестей высокого полёта, волнует А.А. Гугнина. Это чувство особенно сильно проявилось в цикле стихов «Конец XX века»:

Скончался век. Обыденно и скучно,
Без торжества нас усадил за стол.
И мы обзираем равнодушно,
Чего хотел он и куда он шёл.

Ему Прекрасной Дамы так хотелось,
Но кончил с проституткой в кабаке,
И, проявив отчаянную смелость,
Он сбросил всё, помчавшись належке.

Смеясь и даже трупы не считая,–
За ложными кумирами вослед.
Всё сгинуло. Воронья скрылась стая.
Но Истины и не было и нет.

⁴ Немецкая поэзия в переводах В.А. Жуковского: Сборник с параллельным текстом на немецком языке. Составление, предисловие и комментарии А. Гугнина. М., 2000. – 624 с. Немецкую и австрийскую литературу представляют в этом издании 21 писатель и 107 произведений, переведенных В.А. Жуковским. Но из-за ограниченного объема книги связи (и переводы) В.А. Жуковского с немецкой литературой представлены здесь далеко не полностью.

Зато какое пиршество поэтов! –
Иль канет в Лету с белых яблонь дым?
Нет, пусть останется хотя бы это,
Хотя бы это вечно молодым!

И всё же чувство ожидания чего-то радостного, нового, неизвестного не покидает А.А. Гугнина, чья лирика, при всей её кажущейся неслышной созерцательности, отмечена радостным восприятием жизни:

Лето прошло.
И опять мы
не сходили к заветным местам,
где под ивами речка
прозрачно, как счастье, звенела,
и на мелкой стремнине
скользили в руках пескари.

Багряные крылья
над нами раскинула осень,
словно Жар-птица
из сказки далёкой
прилетела и душу
рвёт на части
красотой несказанной.

И в душе моей всё смешалось:
то ли весна звенит
недосягаемым звоном,
то ли клён золотой
ласкает мои седины,
то ли из снов позабытых
любовь меня опалила...

Осень для А.А. Гугнина – это межвременье души и обретение новых сил, поэтому в этих строках всё находится в движении, всё неопределённо, лишено какой-либо конкретики. Это диалог с самим собой на языке, понятном только поэту, и предмет обсуждения не должен быть понятен читателю, более того – он будет мешать ему в ходе постижения сути стихотворения, важно уловить интонацию, настроение, и таким образом ввести в действие, разбудить собственные пласты переживаний, очиститься самому. Именно такой внутренний призыв заключен в стихах А.А. Гугнина.

Столь тонкое понимание движений души человеческой, столь мощное слияние с природой, казалось бы, не должно было завлечь А.А. Гугнина в науку, которая довольно скептически относится к поэтическим взлётам и мечтаниям. Однако именно поэтическая составляющая внутреннего мира этого человека, всегда открытая всему новому, необычному, и определила его путь в науку, в неизведанное, в новое. Путь этот был нелёгким, и характеризовался активными попытками определения своего места в науке, что на первых порах нашло своё выражение в многочисленных рецензиях на всевозможные литературоведческие, социологические сборники, во вступительных статьях к поэтическим и прозаическим произведениям авторов, по которым трудно было определить основную составляющую научных интересов учёного А.А. Гугнина. Отсюда эти непонятные на первый взгляд переходы со славянского на русское отделение МГУ, а оттуда – на романо-германское. Сознательно или бессознательно, но А.А. Гугнин нашупывал свой ареал научных интересов, который в конечном итоге оформился в сложный комплекс взаимосвязанных проблем германо-славянских взаимоотношений в самых различных их проявлениях.

Казалось бы, какая связь между увлечением А.А. Гугнина серболужицким языком и его стойким интересом к немецкоязычной литературе? Однако именно познание глубинных языковых процессов народов, живущих веками бок о бок, позволило учёному определить некую составляющую родственных проявлений, которые формировались не указами, а человеческими взаимоотношениями, обогащая язык и культуру славянских и германских народов. Степень проникновения пытливого учёного в языковые тонкости литературы лужицких сорбов была настолько велика (одна книга А.А. Гугнина «Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней» (1997) чего стоит!) и в какой-то степени неожиданна для человека хотя и родственной, но другой культуры, что А.А. Гугнин был избран в 1997 году иностранным членом Матицы серболужицкой в Будишине (Баутцене, ФРГ). Столь высокое признание его заслуг в изучении культуры небольшого народа, сохранившего свою самость в немецком окружении, вероятно, подвигло А.А. Гугнина и на дальнейшие исследования в этой области, о чём свидетельствует его монография «Серболужицкая литература XX века в славянско-германском

контексте» (2001), а также многие другие работы⁵, сопровождавшиеся переводами и изданиями серболужицких писателей, знакомством и естественно вытекающей дружбой с ними (Ю. Брезан, Ю. Кох, К. Лоренц, А. Стахова и др.)

История русско-немецких и немецко-русских литературных взаимосвязей⁶, вкуче с личными поэтическими опытами, в значительной степени определяет и не утихающий интерес А.А. Гугнина к немецкоязычной поэзии. При этом надо отметить, что интерес этот не определяется временным фактором. Учёный в равной степени отдаёт должное как классикам немецкой, австрийской и швейцарской литературы, так и представителям литературы XX века, о чём свидетельствует огромное количество его статей и исследований, в которых А.А. Гугнин пытается определить, как это представлено, например, в противопоставлении поэзии Гёльдерлина и Эриха Арендта, заметную творческую взаимосвязь прошлого с настоящим. Понятно, что нет нового без старого, и в оглядывании на прошлое нет ничего зазорного, хотя литературоведческая молодёжь нашего времени полагает, что можно спокойно судить о современной литературе, не имея представления о её предшественниках.

Ещё в начале XX века Арнольд Шёнберг, всемирно известный австрийский композитор-новатор, основоположник атональной музыки, создатель додекафонии, то есть авангардист в высшей степени, говорил своим студентам о том, что сначала они должны выучить или ознакомиться с тем, что было сделано до них, а потом уже делать всё, что они пожелают.

А.А. Гугнин не принадлежит к разряду авангардистов, хотя о некоторых из них – например, об экспрессионистах – пишет много и интересно, но он явно следует заветам А. Шёнберга, неустанно прокладывая мосты между прошлым и настоящим. В этой связи примечательным событием является его «Материалы по истории и теории экспрессионизма. Австрия и Германия». Часть первая – 2000. Часть вторая – 2001, а также 28 статей в «Энциклопедическом словаре экспрессионизма» (2008), посвящённых отдельным проблемам и авторам этого направления, которые знаменуют собой новый подход к изучению экспрессионизма, долгое время находившегося не то чтобы в небрежении, а, скорее всего, на подозрении в некоей несостоятельности как литературного направления и – *horribile dictum* – политической неблагонадёжности.

Появление этих и ряда других работ более фундаментального плана свидетельствует о некоторой смене вектора в творческой деятельности А.А. Гугнина, которая проявляется в стремлении осмыслить накопленный опыт исследователя, лектора, руководителя многочисленных аспирантов, заполнить лакуны, возникшие по политическим или по каким-то другим, совсем не литературным причинам. Наконец, это смена вектора говорит и о возросшем творческом потенциале А.А. Гугнина, позволяющем ему браться за разрешение задач общенаучного плана.

Особый разговор – переводческая деятельность А.А. Гугнина. Один только перечень авторов, далеко не полный, к творчеству которых обращался А.А. Гугнин, говорит не только о широте его интересов, но и о его стремлении ознакомить читателя с лучшими образцами немецкоязычной поэзии прошлого и настоящего. Кроме Л. Уланда, первой любви А.А. Гугнина (его творчеству посвящена кандидатская диссертация молодого учёного⁷) в этом перечне можно встретить имена М. Опица, Ф. фон Логау, Г.А. Бюргера, К. Брентано, Й. фон Эйхендорфа, Ю. Кернера, Г. Веерта, но и Ф. Ницше, Г. Гессе, В. Лемана, М.Л. Кашниц, Г. Айха, С. Георге, Э. Фрида, Г. Калау, Г. Бенна, О. Гомрингера, Й. Вайнхебера, П. Целана и многих-многих других поэтов. Здесь в полной мере проявились поэтические наклонности А.А. Гугнина. При переводе поэтического текста переводчик находится в плену у оригинала, и для того чтобы как можно ближе передать дух и поэтическую форму оригинала он вынужден долго и тщательно искать подходящие слова, не говоря уже о рифмах. Работа эта адова, требует терпеливого поиска, мучительной игры словами, образами, что и развивает у переводчика обострённое чувство к слову, его значимости, наполняемости, его способности вызывать соответствующие ассоциации у русского читателя. Все

⁵ Прежде всего это – главы и статьи в фундаментальных трудах Института славяноведения РАН, в том числе: История литератур западных и южных славян в трех томах. М., 1997–2001 (6 глав по истории серболужицкой литературы от истоков до 1945 г.); История литератур Восточной Европы после второй мировой войны в двух томах. М., 1995–2001 (2 главы по литературе ГДР и 2 главы по серболужицкой литературе) и многих других.

⁶ Этой проблематикой А.А. Гугнин начал заниматься со студенческих лет и опубликовал более 100 статей и материалов, посвященных самым различным ее аспектам (см. Библиографию трудов А.А. Гугнина в настоящем издании).

⁷ В самом методе изучения этого поэта и ученого проявилась характерная особенность творческой личности А.А. Гугнина – углубляясь в первоисточники и совершая научные изыскания, он постоянно думает о популяризации исследуемого автора: в 1977 году в издании «Европейская поэзия XIX века» (БВЛ, т. 85) были опубликованы его переводы стихотворений Л. Уланда, Л. Тика и Г. Веерта; в 1980 году в книге «Литературные манифесты западноевропейских романтиков» он перевел несколько эссе Л. Уланда, а в 1988 году в издательстве «Художественная литература» издал книгу: Уланд Л. Стихотворения, где выступил в качестве составителя, переводчика и комментатора. И подобных примеров немало, что свидетельствует о стремлении сблизить науку с текущей культурной жизнью, актуализировать культурное наследие.

эти качества переводчика-поэта нашли, на мой взгляд, полное воплощение в переводческой деятельности А.А. Гугнина.

Менее известны прозаические переводы А.А. Гугнина. И здесь, скаётся мне, действовал несколько иной принцип отношения переводчика к тексту, который с наибольшей ясностью проявился в переводе в 1992 году романа Г. Казака «Город за рекой» и последовавшей вскоре солидной монографии «Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века» (1998). Проникновение в фактуру текста способствовало осмыслению изнутри сути этого литературного явления, находившегося в нашей германистике в некотором небрежении по тем же соображениям, что и экспрессионизм. В обращении к этому произведению сработал чисто научный интерес А.А. Гугнина, где на первое место вышел вопрос о том, как сделан этот роман с тем, чтобы понять, что стоит за магическими превращениями, и в таком отношении к тексту можно усмотреть и отголоски поэтических увлечений А.А. Гугнина, отмеченных огромным вниманием к глубинным смыслам употреблённого автором слова.

Говоря о научных и художественных проявлениях натуры А.А. Гугнина нельзя обойти стороной и его кипучую организаторскую деятельность, что отнюдь не является последним делом в такой трудноуправляемой сфере как наука. Несомненной его заслугой является становление кафедры мировой литературы и культурологии Полоцкого государственного университета, которой он заведует с 1999 года и которая, благодаря инициативе А.А. Гугнина, стала с 2001 года центром проведения ежегодных международных конференций. Эти конференции имеют значение не только как научный форум, но и как своеобразный полигон, на котором аспиранты, соискатели оттачивают своё мастерство, проходят своеобразную школу выживания, участвуя на равных в научных дискуссиях. Значимость кафедры мировой литературы и культурологии выражается ещё и в том, что она, под началом А.А. Гугнина, выпускает научное издание «Проблемы истории литературы» (20 выпусков, издание было начато еще в Москве, затем перенесено в Новополоцк и приобрело международный статус), в котором публикуются труды как известных учёных, так и аспирантов.

Сама кафедра мировой литературы и культурологии, расположенная в великолепном старинном здании бывшего иезуитского коллегиума и располагающая не менее великолепной библиотекой (дар А.А. Гугнина), давно уже потеряла свой официальный статус и превратилась в некое собрание друзей и соратников А.А. Гугнина, куда можно придти как в свой дом, где можно получить поддержку словом и делом, будь то научная консультация или личная проблема. И в этом, конечно, несомненная заслуга А.А. Гугнина, умеющего сочетать научно-образовательную деятельность с дружеской беседой, воспитывать будущих учёных в атмосфере, отчасти напоминающей платоновскую академию или, по крайней мере, аристотелевский лицей. Учёные именно такого типа, как Александр Александрович Гугнин, могут и вершат науку.